

Этнаграфія і фальклор

Тып II распрасціраецца паласой з паўночнага захаду арэалу полацкіх крывічаў на паўднёвы ўсход арэалу віцебска-смаленскіх крывічаў.

На паўднёвым захадзе арэалу полацкіх крывічаў лакалізаваны тып III пахавальных галашэнняў¹⁹⁵.

У цэлым, праведзенае на беларускай тэрыторыі старажытнага рассялення крывічаў даследаванне функцыянальнай, структурнай, стылявой тыпалогіі каляндарна-земляробчых сямейна-абрадавых (вясельных, пахавальных) напеваў паказвае:

– пры найбольшай шчыльнасці ў крывіцкім арэале абрадавых напеваў і найбольшай іх дыферэнцыраванасці этнамузычны матэрыял разам з тым дастаткова выразна акрэслівае дзве часткі дадзенага арэалу – полацкую (заходнедзвінскую) і віцебска-смаленскую (заходнедзвінска-дняпроўскую):

– у сферы каляндарнай гэта праяўляецца ў перавазе ў полацкай або віцебска-смаленскай частках крывіцкага арэалу тых ці іншых тыпаў калядных (напрыклад, «цярэшкі» ў полацкай, абходных калядак у віцебска-смаленскай), валачобных, веснавых купальскіх, жніўных, дажыначных, яравых, восеньскіх напеваў. Таксама і ў наяўнасці асобных локусаў спецыфічных напеваў (напрыклад, ільнавых у полацкай, веснавой талакі ў віцебска-смаленскай частках);

– у сферы сямейна-абрадавай гэта адбываецца на змяненні інтанацыйна-меладыйнага комплексу ў васьмі агульнапашыраных структурна-рытмічных тыпаў вясельных напеваў па меры іх прасоўвання з часткі віцебска-смаленскіх у частку полацкіх крывічаў (урачыста-прыўзняты гукавы вобраз змяняецца лірыка-апавадальным). Пры гэтым на тэрыторыі полацкіх крывічаў распаўсюджаны спецыфічныя (песеннага характару) вясельныя галашэнні, на тэрыторыі крывічаў смаленска-віцебскіх вясельныя галашэнні тоесныя галашэнням пахавальным;

– беларуская частка крывіцкага арэала ўяўляе найбольш яркая выражаную зону старажытнасці на тэрыторыі Беларусі, якая ў цэлым адзначана лінгвістамі як «архаічны пояс» у славянскім кантынууме;

– «беларускі стыль» выходзіць за межы адміністрацыйна-дзяржаўных граніц Беларусі і паступова размываецца па меры яго набліжэння да перыферыі яе этнічных граніц.

КОНЦЕПТЫ «ПУНЯ» И «ОДРИНА» В ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

канд.ист. наук, доц. С.А. МИЛЮЧЕНКОВ

(Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси, Минск)

Исследуются происхождение и особенности семантики названий пуня и одрина, рассматриваются ареалы их распространения в Восточной Европе.

Традиционная материальная культура белорусов, большей части русского и украинского народов развивалась в течение многих веков в близких природно-климатических условиях лесной полосы Восточной Европы на основе общего типа хозяйственной деятельности. Под влиянием потребностей первичного жизнеобеспечения в ней сформировался архитектурный комплекс сельских усадеб. В его состав входили постройки разного функционального назначения, среди которых повсеместно распространенными наряду с жилищем были сооружения земледельческого и животноводческого профиля. Все они имели определенные названия, выполнявшие знаково-опознавательную, информационную и другие функции. Благодаря ним осуществлялась идентификация архитектурных объектов, фиксировалось понятийное содержание номинаций.

Названия *пуня* и *одрина* часто упоминаются на территории Беларуси в инвентарях помещичьих имений и фольварков второй половины XVI – XVIII вв., а также в письменных источниках судебного характера на старобелорусском, старопольском и польском языках. Они относятся к сельскохозяйственным постройкам земледельческой и животноводческой отраслей и являются локальными обозначениями строений одного архитектурного типа. Не случайно в описании имения М. Огинского 1563 г. выражением *пуни* або *одрины* подчеркивается тождественность или синонимичность данных терминов в старобелорусском языке [6, с. 389].

Идентифицировавшиеся ими сооружения земледельческого профиля располагались в специальной производственной зоне. Она обозначалась в составе усадебной застройки XVI – XVII вв. обычно термином *гумно*, а в XVIII в. – также *gumnisko* (*гумниско*), *gumniszczce* (*гумнище*). Здесь находились *одрины* (*одрыны*) и *пуни*, возведенные с применением разных строительных материалов – хворостяные (*форостенные*) и бревенчатые (*с бервенья рубленые*). Названия *пуня* и *одрина* нередко дополнялись уточнениями *молотенная*, *для молотыбы*, *для збожа*, *на солому*, *соломой напханая* и т.д. [6, с. 385]. Это свидетельствует о высоком функциональном потенциале этих построек и дает представление о формах их специализации. Номинации *пуня* и *одрина* часто сопровождалась также определением *сенная* или дополнением *на*

¹⁹⁵ Апісанне тыпавых напеваў беларускага пахавальнага абраду гл.: Т.Б. Варфаламеева. Сямейна-абрадавы цыкл // Беларусы. Т. 11. Музыка. – Мінск, 2008. – С. – 69 – 71.

сена. Иногда они пояснялись словом *сенник*. Так, в инвентаре имения Головачи Гродненского повета в 1798 г. была сделана запись – *odryna czyli siennik na sklad siana* (одрына или сенник для складывания сена) [6, с. 389]. Семантическая модель данного выражения типична для образования новых терминов, дающих недвусмысленное представление о функциональном назначении построек.

Следует отметить, что сведения о характере организации зоны для обработки продукции земледелия, функциональной специфике и названиях сельскохозяйственных построек в крестьянских дворах периода позднего феодализма встречаются в исторических источниках фрагментарно. Вместе с тем они дают полное основание утверждать, что в культурной терминологии названия объектов земледельческой отрасли у разных социальных групп населения были идентичными.

Все архитектурные сооружения аграрного профиля с соответствующими названиями, известные в позднефеодальном хозяйстве, существовали в этнокультурном ареале Беларуси и в последующие исторические периоды. В восточных областях они были широко распространены до проведения массовой коллективизации сельского хозяйства в 30-х годах XX в. В западных областях, которые вошли в состав БССР в сентябре 1939 г., традиционные постройки земледельческого комплекса нередко встречались еще во второй половине XX в.

В диалектной форме культурной терминологии их местонахождение обозначается словами *гумно*, *гумнішча* и *гумніско* [2, с. 791, 792; 10, с. 503, 504]. Известно большое количество народных дефиниций, которыми сопровождается в этом понятии название *гумно*. Типичными по своему смыслу являются определения – *плошча, дзе знаходзяцца ток, азярод, пуня; пляцоўка перад клуняй; пляцоўка каля пуні, дзе сушаць сена*. Редко встречаются объяснения следующего рода – *месца, адведзенае для складання снапоў у сцірты пад адкрытым небам*. Такие же понятийные термины используются в этнокультурных ареалах соседнего зарубежья [7, с. 110; 8, с. 230; 15, с. 200]. В частности, в формах *гумнище* и *гумно* они известны на территории Украины, в Смоленской, Псковской, Тверской и других областях России, *gumno* – в Польше.

В гуменном комплексе построек традиционного крестьянского хозяйства Беларуси *пуня* и *адрына* служили преимущественно для хранения и реже обработки продукции растительного происхождения. Они имели массовое распространение, за исключением центральной и южной частей Брестчины, а также ряда соседних районов Гомельщины [2, с. 794 – 797; 3, к. № 236; 4, к. № 13, 14].

Названия *пуня* и *адрына* также имеют отчетливую географическую локализацию. Они распространены в северо-восточном и юго-западном регионах Беларуси соответственно, и указывают на срубное и каркасное свхворостяным и лозовым покрытием стен строение для складывания сена, иногда также соломы. В этом же значении соответственно на востоке Центральной Беларуси и в Поднепровье в этноконтактной зоне с русским населением параллельно употребляется термин *сянніца* (*сяннік*), а в южной полосе – *сяльнік*.

Северо-восточный белорусский регион является одним из крупнейших этнотерриториальных сегментов в ареале названия *пуня*, который охватывает значительное пространство на северо-западе Восточной Европы, включая соседние русские и прибалтийские области. В традиционном аграрном комплексе Псковской, Тверской, Новгородской, Брянской, Смоленской и других областей России, как и в Беларуси, термин *пуня* чаще всего относится к строению для складывания сена [10, с. 125, 126].

Географическая зона номинации *адрына* в значении постройки аграрной отрасли по своим параметрам значительно меньше. Она пересекает среднюю полосу Беларуси в диагональном направлении с запада Гродненского Понеманья на юго-восток Припятского Полесья. При этом на противоположных полюсах (север Гродненской и юго-восток Гомельской области) располагаются районы миксации названий *адрына* и *пуня*. В виде небольшого этнотерриториального сегмента в ареал *адрына* входит юго-восточное пограничье Литвы [18, р. 163; 17]. В местных говорах обозначение *адрына* в формах *adryna*, *adrynià*, *adrynělė* заимствовано из белорусской лексики.

В народной терминологии названия *пуня* и *адрына* относятся также к специальному строению, предназначенному для молотбы и хранения снопов зерновых культур. В таком понятии они известны, главным образом, в северной половине Беларуси на территории Витебской и Минской области, некоторых соседних районов Гродненской и Могилевской области, на востоке Гомельщины, а также в России. При этом в ряде населенных пунктов Браславского, Берестовицкого, Воложинского, Логишинского, Копыльского, Пинского, Росонского и других районов *пуня* или *адрына*, с одной стороны, и *гумно*, *клуня* или *ток*, с другой стороны, считаются не более чем разными названиями одной и той же постройки [2, с. 790 – 797].

Названия *одрына* и *пуня* в материальной культуре восточных славян относятся также к строениям животноводческой отрасли. В памятниках деловой старобелорусской письменности они часто сопровождаются дополнениями *што быдло загоняють, для быдла, телять* и т.д. [6, с. 389]. В разных значениях эти термины использовались для фиксации построек также на территории Литвы. Они могли одновременно входить в состав двух – трехсловных обозначений разных по своей функциональной специфике помещений одного и того же хозяйственного комплекса. Так, в судебной записи 1576 г. о поджоге помещичьего двора в Слонимском повете при перечислении уничтоженного огнем недвижимого имущества номинация *одрына* с помощью разных дополнений синхронно употребляется в одном контексте для идентификации нескольких видов сооружений. Она указывает на сеновал, конюшню и стойло для скота [6, с. 389].

Этнаграфія і фальклор

Связь названий *пуня* и *адрына* с сооружениями животноводческой отрасли прослеживаются также в диалектной форме культурной терминологии восточных славян. Так, во многих сельских поселениях на востоке Беларуси в Краснопольском, Кричевском, Костюковичском, Чауском, Чечерском и Шкловском районах Могилевской области, а также в некоторых сельских населенных пунктах соседней Гомельщины термин *пуня* относится к постройке для содержания крупного рогатого скота. Внутренний объем этого сооружения разделяется проходом на две части – стойло для животных и *сенник*, на месте которого может находиться также конюшня. В таком случае сенохранилище размещается на *вышках*, то есть на потолочном перекрытии из жердей [5, с. 27, 28, 35; 2, с. 796].

Название *пуня*, соотносящееся с постройкой для содержания скота, распространено на северо-западе Восточной Европы в общем территориальном массиве данной номинации вместе с ее другими значениями. Оно зафиксировано в народной терминологии Брянской, Смоленской, Тверской, Новгородской, Ленинградской, Костромской и Калужской областей, а также на востоке Литвы [10, с. 125, 126; 18, р. 163, 164; 16; 17].

Анализ всей совокупности культурных исторических и этнографических реалий, к которым относится номинация *пуня*, свидетельствует о синхронной множественности ее понятия в письменной и диалектной формах терминологии. Это название лингвисты сближают с древнеиндийским словом *punāti* (провеивает). Исходя из архитектурного архетипа, буквальный первоначальный смысл названия *пуня* означает постройка с плетеными стенами, внутри которой веет ветер.

Исключительно по признаку наибольшей близости к индоевропейской основе обычно считается, что оно заимствовано из литовского языка от *pūne, pūnia* (хлев) [13, с. 407]. Между тем факты культурного и географического характера говорят не в пользу данной версии. К ним относятся территориальная ограниченность и незначительность распространения термина *пуня* в Литве, местоположение этой зоны в виде периферийной юго-западной оконечности обширного восточноевропейского ареала данной номинации и фрагментарность в нем литовской семантики.

С учетом перечисленных фактов можно сделать вывод о том, что название *пуня* могло быть заимствовано славянами в начале расселения на северо-западе Восточной Европы только у проживавших здесь и частично ассимилированных ими автохтонных балтских племен. Вместе с тем не исключено, что оно имеет восточнославянское происхождение и является не более чем балтизмом в белорусской и русской лексике. Анализ географии обозначения *пуня* одновременно показывает, что на территории Литвы имело место обратное диалектное заимствование этого термина с северо-западной восточнославянской периферии.

Название *адрына (одрына)* в значении постройки для содержания крупного и мелкого рогатого скота распространено в общем ареале этой номинации, главным образом, в западной части Гомельской области. В уменьшительной форме *одрынки* (мн.ч.) оно относится здесь к огороженному месту в лесу, где во время паводка весной стояли коровы [12, с. 248]. В понятии большого хлева для рогатого скота, обычного хлева и стойла для всякого скота *одрына* известна в Тверской области России, некоторых районах Западной Украины и Карпатах [9, с. 64; 1, с. 273].

Лингвисты обычно рассматривают этот термин совместно с однокоренным юго-западнославянским словом *одр* (ложе, помост) от старославянского *одръ* из праславянского *o-drъ* (настил вокруг дерева) [13, с. 123]. Следует, однако, отметить, что в славянском ареале номинация *адрына (одрына)* географически очень далека от названия *одр* и не имеет с ним непосредственной семантической связи. На основе белорусских этнографических реалий она более убедительно реконструируется через *одрунь* с первоначальным значением «огороженный большими палками в поле или лесу загон для скота» из древнего сложения приставки *о-* и именной старославянской формы *друнь*, «большая палка, кол», которая восходит к индоевропейскому *dru-* (дерево).

Диалектные термины в значениях большая палка, кол, жердь, шест, дубина, образованные от старославянского слова *друнь*, которое может быть производным от индоевропейского *dru-no*, имеются в белорусской (*дрын*), русской (*дрын*), украинской (*дрин*) лексике [14, с. 145]. Семантическая связь с ними у номинации *адрына (одрына)* отчетливо выявляется в контексте понятия особенностей известного по историческим и этнографическим материалам архетипа строительной конструкции сооружения, к которому относится данное название. Это – четырехугольная в основании крытая легкая постройка, объемное пространство которой огорожено по периметру большими палками или кольями в форме каркаса стен с покрытием из хвороста, других древесных и растительных материалов. Узкая зона распространения и особенности географии названия *адрына (одрына)* указывают на то, что оно является локальной восточнославянской инновацией с доминантой оформления полного спектра семантики на территории Беларуси.

Анализ исторических и этнографических источников показывает, что концепты *пуня* и *одрына* относятся к идентичным по форме и понятию, древним по происхождению культурным реалиям. Их региональное развитие, исходя из этимологии данных номинаций, протекало в славянской этнокультурной среде первоначально соответственно с участием в этом процессе автохтонного балтского населения и без него. Оно осуществлялось на основе единого архитектурного архетипа, который был адаптирован в функциональной системе сельскохозяйственного комплекса восточных славян в качестве построек трех разновидностей – для содержания скота, для складывания сена и соломы, для молотбы и хранения хлебных снопов. Такого рода многообразная производственная дифференциация строений с одинаковыми названиями имела вариативное локально-территориальное распространение. В небольшом по своей номенклатуре хозяйственном крестьянском комплексе в пределах сельского населенного пункта она синхронно не

встречалось. При этом понятие концептов *пуня* и *одрина* было единым, ограничиваясь одним определенным значением. Вместе с тем одновременное использование одинаковых базовых номинаций для обозначения многочисленных построек сельскохозяйственного и животноводческого профиля наблюдалось в составе помещичьих усадеб. Оно свидетельствовало об изначальном межотраслевом синкретизме этих хозяйственных сооружений.

Номинативная нерасчлененность архитектурных реалий, или полисемантический характер сопровождающих их названий, явление, нередко встречающееся в традиционной культуре восточных славян. Она прослеживается также у разных по своему утилитарному назначению сооружений, к которым относятся термины *лазня*, *камора*, *истобка* и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнее жилище народов Восточной Европы / М.Г. Рабинович (отв. ред.). – М.: Наука, 1975. – 304 с.
2. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт / пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы і Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Выд. Акад. нав. БССР, 1963. – 971 с.
3. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р.І. Аванесава, К.К. Крапівы і Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Выд. АН БССР, 1963. – 338 к.
4. Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас. Слоўнік. / Г.Ф. Вештарт [і інш.]. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – 353 с.
5. Милюченков, С.А. Натурное исследование народной архитектуры и хозяйственно-бытовой среды белорусов / С.А. Милюченков. – Минск: Право и экономика, 2009. – 58 с.
6. Милюченков, С.А. Этнокультурный комплекс и семантика названий хозяйственных построек в помещичьих усадьбах Беларуси 2-й половины XVI – XVIII вв. / С.А. Милюченков // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 8 / А.І. Лакотка (наук. рэд.). – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – С. 385 – 393
7. Русские. Историко-этнографический атлас / гл. ред. С.П. Толстов. – М.: Наука, 1967. – 360 с.
8. Словарь русских народных говоров (далее СРНГ). Вып. 7 / Ф.П. Филин (гл. ред.). – Л.: Наука, 1972. – 356 с.
9. СРНГ. – Вып. 23 / Ф.П. Сороколетов (гл. ред.). – Л.: Наука, 1987. – 376 с.
10. СРНГ. – Вып. 33 / Ф.П. Сороколетов (гл. ред.). – СПб.: Наука, 1999. – 362 с.
11. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Ю.Ф. Мацкевіч (рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1979 – 1986. – Т. 1. – 1979. – 512 с.
12. Тураўскі слоўнік: У 5 т. 1982 – 1987. Т. 3 / А.А. Крывіцкі (рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 311 с.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986 – 1987. – 4 т.: Т. 3. – 1987. – 832 с.
14. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 5 / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1978. – 232 с.
15. Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / редкол.: Ю.В. Бромлей (гл. ред.). – М.: Наука, 1987. – 558 с.
16. Lietuvių tarmės: kompiuterinis žodynas. – Vilnius: LKI, 2002. – 1 d.
17. Lietuvių kalbos žodyno (t. I – XX, 1941 – 2002). – Elektronio varianto 1 leidimas (2005).
Merkienė, R. Gyvulių ūkis XVI a. – XX a. pirmojoje pusėje/R. Merkienė.–Vilnius: Mokslas, 1989. – 237 p.

ШКОДАНОСНАЯ МАГІЯ Ў ТРАДЫЦЫЙНЫМ ВЯСЕЛЬНЫМ АБРАДЗЕ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ: СВЕТАПОГЛЯДНЫЯ АСНОВЫ І МЕХАНІЗМЫ ДЗЕЯННЯ (ДР. ПАЛ. XIX – ПЕРШ. ПАЛ. XX СТСТ.)

В.І. МІШЫНА, П.І. МІШЫН
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

На аснове этнаграфічных і фальклорных матэрыялаў ажыццёлена спроба аналізу светапоглядных асноў і механізмаў дзеяння шкоданосных магічных прыемаў ў традыцыйным вясельным абрадзе беларусаў Падзвіння (др. пал. XIX – перш. пал. XX стст.). Зыходзячы з асноўных палажэнняў канцэпцыі А. ван Генена аб рытуалах пераходу, аўтары разглядаюць як прыемы шкоданоснай магіі, накіраваныя непасрэдна супраць маладых (у тым ліку і комплекс павер'яў і ўяўленняў аб пярэваратніцтве маладых), так і тыя, аб'ектам якіх з'яўляецца дарога, па якой маладыя перамяшчаюцца. Прасочваецца ўзаема сувязь названых магічных прыемаў са спецыфікай рытуальнага статусу лімінальных персанажаў і ўвасабленнем ідэі пераходу праз міфалагему дарогі.

У этнаграфічных апісаннях традыцыйнага вяселля і запісах народнай прозы, якія паходзяць з тэрыторыі Падзвіння, даволі часта можна сустрэць звесткі пра выпадкі шкоданоснага магічнага ўздзеяння на маладых і іншых удзельнікаў вясельнага абраду. Як правіла, у свядомасці інфармантаў выпадкі «чараўніцтва»